

«СОВЕТСКАЯ БАБУШКА» В ХАРБИНЕ

Александр Иванович ПЕТРОВ,
кандидат исторических наук

Недалеко от центра Харбина, на улице Сишиудаоцзе, в стареньком доме живет Ефросинья Андреевна Никифорова. Весной 2004 г. ей исполнилось 94 года. О ней я слышал давно как о старейшей русской жительнице Харбина. Поэтому будучи там в двухнедельной командировке по научному обмену я уже не мог не предпринять попытку увидеть эту женщину, которая олицетворяла собой один из интереснейших периодов истории российско-китайских отношений.

Судьба мне благоволила, и я познакомился с «полукровкой» — так здесь называют детей от смешанных браков — Любовью Николаевной Ли (по матери Шитова)¹, которая хорошо знала Ефросинью Андреевну и рассказала, как найти дом, в котором последняя проживала. Оказалось, что достаточно было приехать на улицу Сишиудаоцзе и спросить любого местного обитателя, где живет «советская бабушка», и каждый покажет ее дом.

Настало 3 мая. Предварительно договорившись со знакомой китайкой о том, что она будет сопровождать меня по городу со своим фотоаппаратом, я поймал такси... И вот «эта улица, вот этот дом».

В темном подъезде поднимаемся по старой лестнице, вдоль обшарпанной стены на второй этаж и входим в комнату. В глубине нее за столом сидела старая женщина в очках с толстыми стеклами. В этом тесном и бедно обставленном помещении последние двадцать с лишним лет живет последняя русская женщина-эмигрантка, выброшенная из России Октябрьской революцией и братоубийственной гражданской войной.

Поздоровались, но хозяйка не услышала нас. Тогда мы прошли в дальнюю половину комнаты, где находилась старушка. Слева узкий проход ограничивался стеклянной перегородкой, за которой была печка. Мы повторно сказали: «Здравствуйте!» Ефросинья Андреевна ответила и пригласила присесть. Пришлось расположиться на кровати-топчане, так как больше сесть было не на что.

Осмотрелись. Возле кровати на полу лежал странный коврик. Это были два сшитых вместе мешка, свитых из полиэтиленовых веревок. Такая упаковка используется обычно для перевозки картофеля и других овощей. Большой стол стоял не очень прочно: ножки расшатались. На нем — две тарелки, одна пустая, а другая с тремя помидорами, оставшимися, по-видимому, после обеда. Рядом были плотно приставлены друг к другу маленькие пузырьки и коро-

бочки с целебными снадобьями, лекарства в таблетках, чайник, кружка... Здесь же находилась маленькая аккуратная лейка, из которой, наверное, поливали цветы, стоявшие на подоконнике. На противоположном от Ефросиньи Андреевны краю стола лежали три фотографии: на одной была изображена девочка, по всей вероятности, ее звали Фросей Никифоровой, на другой — мужчина, а на третьей — Ефросинья Андреевна в возрасте лет сорока.

У стены, перпендикулярно к кровати и вплотную к ней стоял высокий старый комод. Всем видом он «говорил» о своем российском происхождении. Как потом выяснилось, отец Е.А. Никифоровой Андрей Кузьмич, приехав в Харбин, купил всю мебель у русских, покидавших этот город. На комод в двух вазах стояли букеты искусственных цветов. Легко было догадаться, что они играли роль символов, напоминавших хозяйке далекое прошлое. Комод украшали старая настольная лампа и настольное зеркало. Неподалеку стояли фотоснимки родителей хозяйки — Андрея Кузьмича и Марии Андреевны, а также фотография, на которой Ефросинья Андреевна была запечатлена в обществе русских женщин — прежних ее коллег и подруг. Между комодом и стеной, выходившей окнами на улицу, виднелась русская швейная машинка, на ней — ваза с цветами. К окну был придвинут тоже по виду русский диван. На подоконниках в одном горшке росли живые «когти дракона», в другом — герань и еще в двух — цветы, называемые по-китайски «тяньдун». В дальнем правом углу комнаты — шкаф со стеклянными дверцами. Он также был, по всей вероятности, когда-то сработан в России.

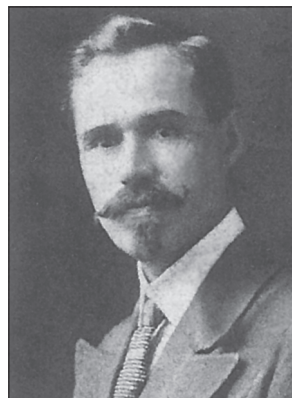
Как только Ефросинья Андреевна заговорила, ее лицо, испещренное морщинами, будто осветилось и оживилось. Восстанавливая сейчас в памяти моменты нашей двухчасовой беседы, рассказ «советской бабушки», я вспомнил китайскую поговорку, переводимую примерно так: «Пережила такие перемены, что там, где раньше было синее море, сегодня растут тутовые рощи». Действительно, Ефросинье Андреевне за ее долгую жизнь пришлось увидеть кардинальные перемены в жизни Китая: здесь и японская оккупация Маньчжурии, и освобождение ее Советской Армией, и создание КНР, и культурная революция, и нынешний подъем китайской экономики...

Ефросинья Андреевна родилась 15 мая (по старому стилю) 1910 г. в г. Мариинске, расположенном в четырехстах километрах к северо-востоку от г. Кемерово. Мариинск, основанный еще в 1698 г. как с. Кийское, до революции был окружным городом Томской губернии. В начале XX в. в Мариинске имелось 1 089 жилых, главным образом деревянных домов, каменный собор и деревянная церковь, синагога, больница, ночлежный дом, городское двухклассное училище и приходская школа; действовали 3 небольших кожевенных, 2 мыловаренных, пивоваренный, 4 кирпичных и гончарный заводы. Горожане были рабочими на них, а также занимались земледелием, промышляли извозом, многие добывали металл на золотых приискаx².

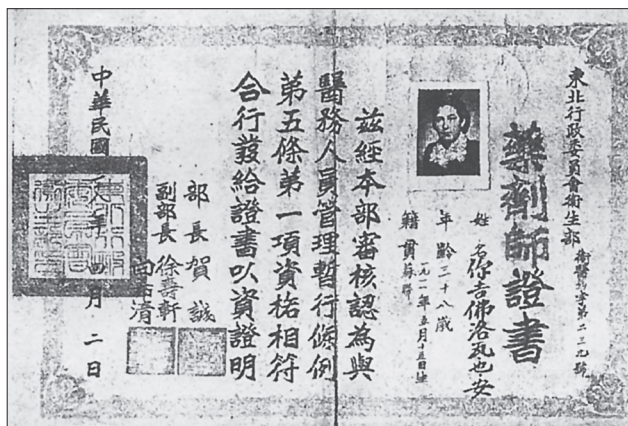
Некоторое время отец Ефросиньи Андреевны работал на Амурской железной дороге, во всяком случае, она сказала, что в Харбин они перебрались именно с одной из станций этой дороги. Правда, в Харбин отец приезжал еще раньше — в 1902 г., там тогда уже жили и работали их родственники. Вскоре после приезда в Харбин Фрося пошла в школу. После окончания в 1929 г. полной средней школы она в феврале 1930 г. поступила в расположенную на улице

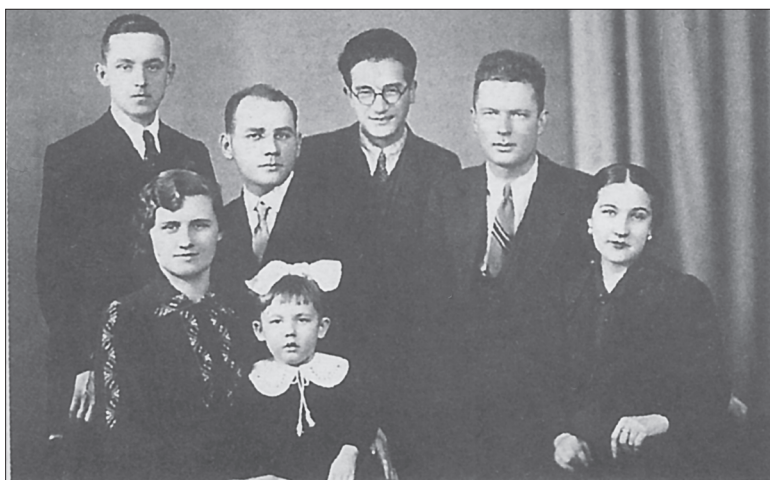
Мать Ефросиньи Андреевны
Мария Андреевна Никифорова.

Отец Ефросиньи Андреевны
Андрей Кузьмич Никифоров.

Квалификационное удостоверение фармацевта, выданное Е.А. Никифоровой Отделом здравоохранения Административного комитета Северо-Востока Китая 2 апреля 1949 г.

В кругу близких друзей. Сидит первая справа — Ефросиния Андреевна.
Стоит первый слева — ее старший из братьев Николай.

Фотографии, кроме тех, на которых также запечатлен автор, позаимствованы из газеты «Хэйлунцзян жибао» от 1 июня 2000. Надписи в основном соответствуют газетным.

Казахстан. Младший брат Ефросиньи Андреевны Владимир со своей семьей.

Молодая, красивая и изящная Е. Никифорова.

Работники больницы Общества русских эмигрантов, 6-я слева — Е.А. Никифорова.

1939 г. С коллегами в аптеке Общества русских эмигрантов, располагавшейся на улице Билэцзе (Е.А. Никифорова — крайняя справа в первом ряду).

Совместная фотография с русскими женщинами на берегу Сунгари. Первая справа Е.А. Никифорова. Предположительно начало 1950-х годов. В отдалении видна Благовещенская церковь. Разрушена.

Июнь 1998 г. Приготовление обеда. Ефросинья Андреевна чистит картошку.

31 августа 1998 г. Ефросинья Андреевна и соотечественница из Австралии на встрече 31 русского эмигранта в ресторане «Кайлай». В списке 100 наиболее престижных ресторанов Харбина трехзвездочный ресторан «Кайлай» значился на 48-м месте. Он расположен на Центральной улице, дом 58. Как мне сообщили мои знакомые в Харбине, «Кайлай» в настоящее время переведен в ранг четырехзвездочного ресторана.

28 мая 2000 г. Ефросинья Андреевна
наряжается к праздничному обеду по
случаю ее 90-летия.

Гости в день рождения Ефросиньи Андреевны 28 мая 2000 г. Слева направо сидят: председатель профкома Харбинской лечебно-фармацевтической компании Чжан Чжэньбинь, Ефросинья Андреевна, М.М. Мятлов (пожалуй, последняя фотография Михаила Михайловича). Стоят: ответственный за охрану Цай Цзяньвэнь, директор аптеки «Фэньдоу» Чэнь Лэ'ань, председатель профкома аптеки Чжан Цзюйжуй и секретарь комсомольской организации аптеки Ли Юнь.

Автор с Ефросиньей Андреевной,
3 мая 2004 г.

Кэнцзе (ныне Да'аньцзе) специальную городскую аптеку учиться на фармацевта, в мае 1933 г. получила квалификацию фармацевта и осталась работать в той же аптеке. А с 1936 г. по 1978 г. она была фармацевтом сначала в больнице Общества русских эмигрантов, потом — в аптеке на улице Фэньдоуцзе (ныне ул. Гоголя)³.

Об отце Ефросиньи Андреевны известно очень мало. И расспросить ее о нем я, к сожалению, не успел. Как отмечено выше, его звали Андрей Кузьмич Никифоров. Он работал главным бухгалтером в Дальневосточном банке, располагавшемся в Харбине на улице Чжунъян дацзе (Центральная). В 1936 г. Андрей Кузьмич серьезно заболел и вскоре умер на 51 году жизни.

У Ефросиньи Андреевны было два младших брата — Николай и Владимир, но судьба их с сестрой развела. Николай уехал в Советский Союз в 1946 г. по неясной причине, а Владимир в 1954 г. отправился в Казахстан поднимать целину⁴. Расспросить о братьях я не успел, но узнал, что оба уже умерли. Несмотря на то, что говорили мы около двух с половиной часов, я считал непозволительным для себя навязывать пожилой женщине, измученной одиночеством, слишком много вопросов. Хотя по всему было видно, что ей хотелось наговориться на родном языке.

«Нет русских, — посетовала она. — И это очень тяжело, не с кем поговорить». Ефросинья Андреевна и ее мама Мария Андреевна с 50-х годов прошлого века жили вдвоем. А после кончины мамы в 1976 г. Ефросинья Андреевна осталась в Китае совершенно одна, без единого родственника. К этому привыкнуть было чрезвычайно трудно. Она так же, как и ее ровесница-подруга Нина Афанасьева Давиденко (тоже умершая), за всю жизнь ни разу не выходила замуж. В период их молодости знакомиться с мужчинами, особенно с китайцами и японцами, было очень небезопасно. Маньчжурию наводняли торговцы «белым живым товаром», которые занимались экспортом и перепродажей тысяч и тысяч молодых русских женщин, бежавших из России после Октябрьской революции 1917 г.⁵

Круг общения «советской бабушки» ограничивался русскими эмигрантами, которые с каждым годом старели и один за другим отходили в мир иной. В те времена, когда Ефросинья Андреевна могла свободно ходить, она вместе с русскими эмигрантами Михаилом Мятovým, польским эмигрантом Эдвардом Марьяновичем Стакальским и другими ездила на русское кладбище, расположенное на склоне горы Хуаншань, чтобы почтить память соотечественников. Каждый памятник они убирали, приводили в порядок. Увы, сегодня ни Мятова, ни Стакальского уже нет в живых.

Фраза «Когда нас было четверо» в устах Ефросиньи Андреевны прозвучала два или три раза. К этой «четверке» она относила себя, Михаила Михайловича Мятова, Владимира Алексеевича Зинченко и Нину Афанасьевну Давиденко. Я как-то невольно вспомнил, правда, не совсем кстати, рассказ Леонида Соболева «Морская душа», прочитанный в детстве, о советских моряках времен Великой Отечественной войны. Врезалась в память его концовка, рисующая нескгибаемый моральный дух севастопольских моряков. Обращаясь к ним, командир говорит: «Один моряк — моряк, два моряка — взвод, три моряка — рота. Сколько нас? Четверо? — Батальон, слушай мою команду! В атаку!»

Четверым русским, о которых идет речь, было также очень нелегко на чужбине. Каждый из них, например, мог запросто сгнуться, «пропасть» при японцах, господствовавших здесь в 1931—1945 гг. Японцы, помешанные в то время на идее завоевания, если не всего мира, то по меньшей мере всей Азии, проводили по отношению к другим народам бесчеловечную политику. Один из представителей японских властей в Харбине тогда, в частности, заявлял: «Японцы — единственная божественная нация на земле, вот почему она не смешивается с другими народами. У нас святая культура, и вообще в Японии все свято. Мы отнюдь не намерены, как это делали в свое время китайцы, насаждать свою культуру среди завоеванных народов. Зачем? Они просто исчезнут с лица земли: корейцы погибнут от собственных пороков, китайцы станут жертвами опиума, русских погубит водка»⁶. И далее: «Большинство из них (русских. — А. П.) коммунисты или сочувствующие и проводят здесь пропагандистскую работу... Наша обязанность — препятствовать этому любыми способами. Надо руководствоваться принципом, что лучше наказать тысячу невинных, чем позволить хотя бы одному активному пропагандисту остаться на свободе». Известно, что на территории Маньчжоу-Го в те времена действовал закон «О принудительном заключении». В соответствии с ним аресту подлежали и лица, которые лишь «могли совершить преступление в силу неправильной идеологии». Арестованные направлялись в специальные «лагеря для исправления идеологии», один из которых имелся и в Харбине»⁷.

Ефросинья Андреевна вздыхает: «Японцы натворили здесь много бед. А как тяжело было китайцам, как они, бедные, только выжили... Деревья стояли без коры, всю съели люди. Ни рис, ни мясо им есть не разрешали, только гаолян. А если кого-то поймают с мясом, то домой его уже и не ждут...»

От «четверки» к 2002 г. осталась «единица». Сначала в 2000 г. ушел М.М. Мятлов. Вскоре за ним в мир иной отошел В.А. Зинченко. 26 сентября 2001 г. не стало Н.А. Давиденко. Говоря об этом Ефросинья Андреевна не может скрыть своих чувств: голос ее дрожит и дыхание становится неровным... Я стараюсь отвести ее от грустных воспоминаний, переводя разговор на другую тему, и вот уже Ефросинья Андреевна рассказывает о Настеньке Богуславских, которая учится в Харбине и вышла замуж за китайца. О том, что эта молодая женщина (ей немногим за 30) иногда навещает ее — последний раз была в Страстную пятницу (10 апреля)... Она, как бы извиняясь, рассказывает и о том, что совсем не знает китайских лидеров (кроме, правда, Мао Цзэдуна): «Просила Шитову (Л.Н. Ли) просветить. Покажи по газетам, кто есть кто. Но той все некогда».

За два дня до визита к Ефросинье Андреевне, т. е. 1 мая, мне удалось съездить на русское кладбище, расположенное на склоне горы Хуаншань. Найти его было не так-то легко. Добравшись на автобусе до конечной остановки с названием Хадун (старое название Санькэшу), дальше я ехал на такси. На кладбище было видно, что многие могилы давно никем не убирались. Надписи на плитах свидетельствовали, как таяла в Харбине русская эмиграционная диаспора 20—30-х годов XX в.: инженер-технолог Василий Димитрович Лачинов (21.9.1872—6.7.1933); Ольга Ивановна Малеевская (21.6.1883—20.1.1945); Мариан Stokalski (12.6.1876—4.7.1954); Мара Вратировна Сун (20.04.1939—06.03.1981); Хенезнякова (1900—1984); Чжу

Цзян-чжун Николай (21.4.1927—23.2.1995); Нина Афанасьевна Давиденко (8.12.1910—26.9.2001)...

В 1989 г. директор аптеки, где раньше работала Ефросинья Андреевна, Юй Вэйбинь все организовал для того, чтобы ее положили в глазное отделение больницы и сделали операцию по удалению катаракты. Партийный секретарь отделения Чэнь Лэань (в настоящее время директор) проявляла о русской женщине большую заботу. Тепло отзывалась Ефросинья Андреевна и о своей коллеге китайке Чжан Цзюйжуй. В начале весны 1994 г., вскоре после того, как Чжан стала председателем профкома аптеки, она пришла проводить Ефросинью Андреевну. Наблюдая за тем, как старая женщина передвигалась по темной тесной комнате, с каким трудом, тяжело дыша, она готовила простой скромный обед, Чжан Цзюйжуй не могла скрыть своих слез и решила: буду ухаживать за этой старенькой русской женщиной, как за своей матерью. Чжан организовала полное обследование здоровья Ефросиньи Андреевны, постоянно сопровождала ее на процедуры. Каждую неделю она закупала для нее продукты, а по праздникам приносила приготовленные ею самой блюда. Комсомольская ячейка аптеки организовала кружок «Тепло для Никифоровой», и по очереди молодые девушки ходили к Ефросинье Андреевне и помогали ей во всем, а ответственный за ее охрану Цай Цзяньвэнь несколько лет подряд закупал уголь, рубил дрова⁸.

Сейчас Ефросинья Андреевна не может без слез вспоминать человека прекрасной души — Чжан Цзюйжуй. Но теперь ее рядом нет: вместе с семьей она переехала в Пекин. Но работники аптеки и другие знакомые не оставляют ее и сегодня без внимания, хотя Чжан Цзюйжуй, действительно, ухаживала за ней, как за родной матерью.

Покидая Харбин 4 мая, в день 85-й годовщины «Движения 4-го мая», я был под впечатлением встречи с Ефросиньей Андреевной Никифоровой. Харбин как бы приобрел для меня совершенно иной смысл, другое звучание. Последняя русская эмигрантка волны 20—30 годов XX в. живет одиноко в трудных условиях, но не падает духом. И дай Бог ей сил!

¹ Свои беседы Л.Н. Ли (Шитовой) автор намерен изложить в отдельной статье. — А.П.

² Города России. Энциклопедия. М.: Терра-Книжный клуб; Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 1998. С. 253. Ныне Маринск относится к Кемеровской области.

³ Цзэн Ичжи. «Ни и» хэ тадэ «яопу». Ефулосиния Ниццифулова хэ Фэньдоу яодяньдэ гуши («Тетя Ни» и ее «аптека». История о Ефросиньи Никифоровой и аптеке на Фэньдоу) // Хэй-лунцзян жибао. Харбин, 2000. 1 июня. № 16949. С. 12. В разговоре со мной Ефросинья Андреевна сказала, что вышла на пенсию в 1979 г.

⁴ Там же.

⁵ Белоусов С. Дважды завербован // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 4. С. 132.

⁶ Там же. № 5. С. 136.

⁷ Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1931—1945. М.: Наука, 1990. С. 179.

⁸ Цзэн Ичжи. «Ни и» хэ тадэ «яопу». Ефулосиния Ниццифулова хэ Фэньдоу яодяньдэ гуши («Тетя Ни» и ее «аптека». История о Ефросиньи Никифоровой и аптеке на Фэньдоу) // Хэй-лунцзян жибао. Харбин, 2000, 1 июня. № 16949. С. 12.

SUMMARY. Candidate of Historical Sciences A. Petrov represents the article “Soviet Granny” in China”. The question is about 94 years old woman — the oldest Russian woman in Harbin. She was one of the Russian emigrants of the first wave from Russia after the October Revolution and Civil war. The article contains the details of life of this old emigrant woman.